

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 31-го Июля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10358.

Теофиль Готье.

Къ 100-лѣтию со дня рожденія поэта.

Старообрядческий епископъ
Михаилъ (Семеновъ).

(Съ рѣдкаго портрета).

ЗА ДВЕРЬЮ.

Сегодня я получилъ письмо.

— „Мой дорогой! Напрасно вы че-
го-то ждете. Ничего не будетъ. Я и
вы—противоположные полюсы,— мы
никогда не сойдемся вмѣстѣ. Станемъ
друзьями! Право, вамъ такъ идетъ
быть „другомъ женщины“. Въ васъ
есть какая-то особенная, подкупавшая
чуткость, особенная понятливость пе-
реживаній и настроенія чужой души.
Это—огромное достоинство. Будьте
только другомъ! И если я называю
васъ милымъ, дорогимъ, славнымъ,—

пожалуйста, не вообра-
жайте, что въ эти элиты
я вкладываютъ какой-
то особенный смыслъ.
Право, все это очень обык-
новенно, и, называя васъ
„дорогимъ“, я только вы-
сказываю вамъ мое распо-
ложение“.

Въ какой разъ мнѣ пред-
лагаются быть „другомъ“!..

Я прочелъ письмо, бро-
силъ его на столъ и дол-
го думалъ—какъ быть? Клочекъ бумаги, съ выве-
денными на немъ круж-
ками и черточками нео-
жиданно переворачивалъ
все вверхъ ногами. Все,
что было мною осознано,
приведено въ систему, не-
ожиданно оказывалось ни-
куда негоднымъ.

Почему?

Да потому, что я могу
быть только „другомъ“!

— „Можете оставить ме-
ня въ покоѣ. Ваши при-
ставанья мнѣ надоѣли.
Ваша любовь мнѣ не нуж-
на. О какой скамей-
кѣ, о какомъ садѣ, какихъ поцѣлу-
яхъ вы говорите?—я ничего не помню.
Слышиште—ничего! Ахъ, пожалуйста, не
кривите вашихъ губъ въ презрительную
насмѣшку! Разозлитесь хоть одинъ
разъ. Сбросьте вашу лягушечью хо-
лодность и взгляните на все человѣ-
ческими глазами. Разъ навсегда я ска-
зала вамъ—вы не Маркъ. Я люблю
Марка—поняли вы это, наконецъ?“

Я очень хорошо понялъ. Все такъ
просто и ясно. Ну, что же,—Маркъ
такъ Маркъ. Не могу же я сдѣлать
иначе.

Я сижу одинъ въ пустой квартирѣ.
На десять комнатъ—я да рыбы въ аква-
риумѣ—единственный живыя существа.
Когда мнѣ дѣлается черезчуръ скучно,
я подхожу къ нимъ, стучу пальцемъ
по стеклу, и, когда на поверхность во-
ды поднимаются жирные телескопы и
вуалехвости, я тычу имъ пальцемъ въ
ротъ.

Бѣдныя рыбки, но что же дѣлать?
Право, мнѣ такъ скучно.

Да, впрочемъ...

— Ахъ! Я вамъ не нуженъ? Очень
хорошо, по крайней мѣрѣ, откровенно!

Понемногу я начинаю чувствовать
ознобъ, мелкая, холодная дрожь пере-
дергиваетъ мое тѣло. Вѣки дѣлаются
тяжелыми, и я едва раскрываю глаза.
Смотрю тупымъ, безвыразительнымъ
взглядомъ, уставившись въ одну точ-
ку—штемпель фотографа на карточкѣ
моего отца, стоящей передо мной на
столѣ...

Постойте, какъ часто, какъ больно
вдругъ забилось мое сердце. И что-
то закололо внутри. Собака лаетъ...

— „Маркизикъ“, милый, иди сюда!
Иди мой песъ... Что такое?! Ты не
узнаешь меня? Стыдно „Маркизъ“. Ну,
иди-же сюда, хочешь сахара?.. Иди,
собачка.

Лордъ Гальсбэри.

ставшій во главѣ непримиримой группы пэровъ, рѣ-
шившихся бороться съ биллемъ объ отмѣнѣ „veto“.

Д-ръ Юліусъ Сильвестеръ,

избранный 21-го юля президентомъ
австрійскаго рейхсрата.

Ахъ, зачѣмъ онъ лаетъ? Теперь во-
етъ протяжно, заунывно... Перестань!..

Въ окна забилъ дождь. Барабанная
трель. Въ свѣтѣ уличныхъ фонарей
дождевыя струйки переливаются на
стеклѣ разноцвѣтными огоньками, нѣж-
ными-нѣжными.

На углу, подъ навѣсомъ крыльца,
стоитъ фигура и кутается въ мокрую
накидку. Шляпа поднята вверхъ. Ли-
цо открыто и тоже мокро. Я всматри-
ваюсь. Маркъ, конечно, Маркъ!

Или это мнѣ только кажется? Зина
писала про Марка. Ну, да, это онъ...

— Маркъ, Маркъ, идите сюда!
— Хорошо, сейчасъ.

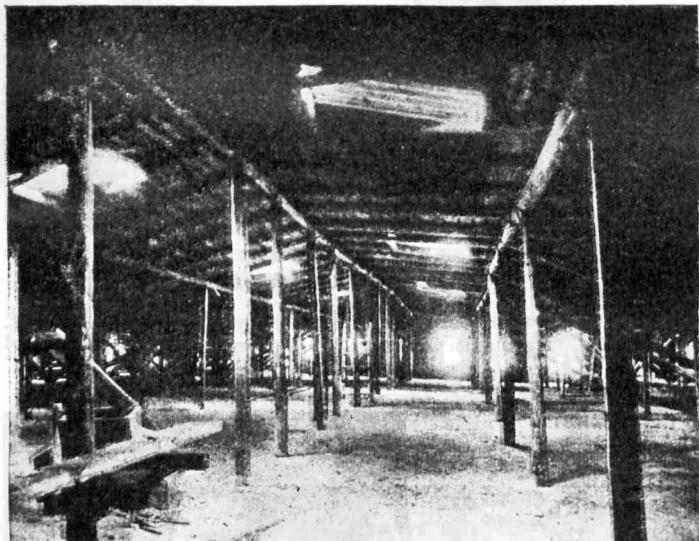
НОВЫЙ НЕТЕЧЕНСКИЙ МОСТЬ.

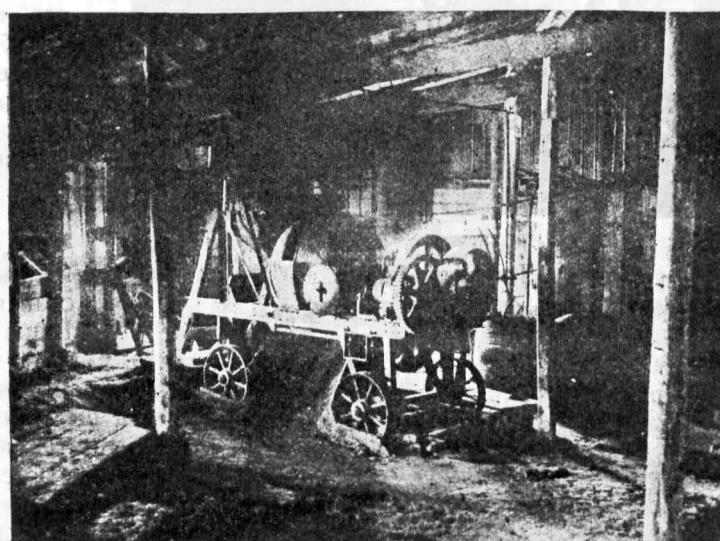
Работы.

Мостъ въ „теплушкъ“.

Внутри „теплушкъ“.

Одна изъ машинъ на работе въ „теплушкъ“.

Фигура встряхивается и подъ стѣной бѣжитъ къ моей двери... Вытираетъ ноги о коврикъ...

— Входите, пожалуйста, входите.

— Благодарю. Ваше приглашениe, какъ нельзя кстати—дождь, какъ изъ пожарного рукава!

— Садитесь, Маркъ. Вотъ сюда, къ столу. Чего хотите: пива, вина, ликера? Вы такой рѣдкій гость у меня! Очень радъ, что зашли.

Я снова горячо жму ему руку.

— Вы говорите—вино? Краснаго? Отлично—я сейчасъ подогрѣю.

Пока грѣется вино, мы сидимъ другъ противъ друга.

А, вѣдь, Маркъ недуренъ... Немнogo толстовать и глупъ, но это нравится многимъ. Его блестящіе, пахнущіе волосы расчесаны въ аккуратный, прямой проборъ. Бѣлый, свѣжій рядъ тянется какъ разъ посреди головы.

Говоря, онъ дѣлаетъ милую улыбку и слегка картаиваетъ:

— Сег'ежа, дайте мнѣ папиг'осу!

— Съ удовольствиемъ, Маркъ, пожалуйста! Вотъ и зажигательница.

Какъ мило онъ оттопыриваетъ мизинецъ. Просто прелестъ! У Зинки недурной вкусъ.

Онъ затягивается папиросой и начинаетъ сладко улыбаться. Сначала онъ жмурится, собираетъ складки воз-

лѣ глазъ и рта, а потомъ распускаетъ ихъ въ улыбку.

— Какъ дѣшики, Сег'ежа? А?

— Недурно. Пожалуйста, берите стаканъ. Ваше здоровье!

— Выше здог'овье!

Мы пьемъ. Якія, сочныя губы Марка сложены трубочкой. Капелька теплого вина скатилась у него на подбородокъ и чуть вздрогиваетъ, поблескивая рубиномъ.

— Давно видѣли Зину?

— Нѣгъ, тг'етъяго дня. Свѣжая дѣвочка.

— Хорошая дѣвушка!..

— Я же и говорю, —свѣжая дѣвочка!

Маркъ съ недоумѣніемъ смотрѣтъ на меня. Красивые, черные глаза удивленно раскрыты.

— Газвѣ я сказалъ что-нибудь пг'охое?

— Нѣть, что вы, голубчикъ? Наоборотъ...

Я чувствую, что блѣднѣю. Руки мои дѣляются мягче и пальцы легко гнутся въ суставахъ. Щемящая боль во всѣхъ связяхъ. Я ничего не могу поднять. Я упорно смотрю на Марка. Онъ отворачивается.

— Почему ты не выдерживаешь моего взгляда? Зачѣмъ отворачиваешься? Да, ну же сиди, какъ слѣдуетъ—говорю я ему.

Говорю или только думаю?

— А у васъ хог'ошій г'евог'вегъ! говорить Маркъ и береть со стола мой револьверъ.

— Осторожнѣй, онъ заряженъ.

— Ничего, я пг'ивыкъ обг'ащаться съ ог'ужиемъ! Хотите, я убью вонъ ту муху, въ углѣ?

— Убьешь муху?

— Ну, да!—и Маркъ началъ цѣлиться.

— Положите револьверъ, дайте его сюда!

— Извог'ьте,—и опять его круглые глаза удивленно сверкнули.

Мы выпили снова.

Я люблю Зинку, Зинка любить Марка, Маркъ сидѣтъ передо мной, и мы вмѣстѣ пьемъ. Странно.

— А, правда, недурной револьверъ? спрашиваю я.

— Да, очень.

Я осторожно гляжу его великолѣпно отшлифованное, вороненное дуло. Чѣмъ больше я вожу рукой по револьверу, тѣмъ больше онъ теплѣеть, и мнѣ хочется выстрѣлить.

Опять мои вѣки тяжелѣютъ, глаза заволакиваются чѣмъ-то липкимъ и густымъ, мысль тупѣетъ, и я почти теряю сознаніе.

Меня нѣть. Я не здѣсь! Я не знаю, гдѣ я. Здѣсь не нужно думать, не

нужно видеть. Необходимо только тихо-тихо сидеть. Не двигаясь, не дыша...

Tccl..

Туманъ слабѣеть. Я вижу свою руку, съ чернильнымъ пятномъ на пальцѣ. Вижу преспапье. А-а! Наконецъ-то!

Изъ тумана выплываетъ Маркъ. Лицо улыбается. Широкая, безшабашная улыбка бороздитъ его красные губы. Проборъ блестить и тоже смѣется.

Надъ чѣмъ или надъ кѣмъ? Быть можетъ, надо мнай?

Нѣтъ, какъ онъ ехидно улыбается!

Боже мой, сколько презрѣнія, сколько насмѣшки!

— Слушай, перестань улыбаться! Я не переношу твоей гримасы!

— Ничего, привыкнешь.

И онъ больше и больше расширяется. Я вижу его гнилые, пломбированные зубы... Первый разъ въ жизни я встрѣчаю такую презрительную, такую уничтожающую улыбку... Мнѣ страшно...

— Перестань!..

Я не могу отвести отъ него взгляда, я напряженно впиваюсь въ него глазами, а рука медленно скимаетъ револьверъ.

Еще немного, еще немного... Сейчасъ...

Я выстрѣлилъ.

Дымъ заклубился въ комнатѣ. Запахло порохомъ. Марка передо мной нѣтъ. Я не знаю, куда онъ дѣлся. Убилъ я его или нѣтъ. Былъ ли Маркъ, вообще, въ комнатѣ?

— Не знаю.

Думаю, что былъ.

Мнѣ кажется, будто бы я всталъ изъ-за своего стола, обошелъ его кругомъ и возлѣ кресла, на которомъ сидѣлъ Маркъ, нашелъ его лежащимъ на полу.

Во лбу Марка, какъ разъ посреди нѣ, виднѣлась маленькая красная дырочка. Кровь тонкимъ ручейкомъ бѣжала къ правому виску, онъ лежалъ на боку.

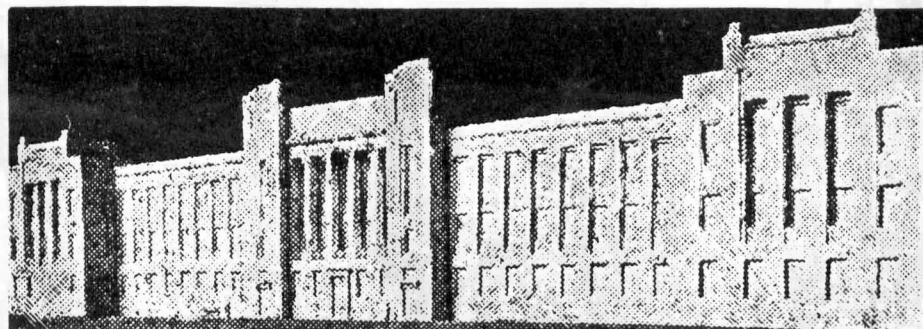
Тонкимъ краснымъ ручейкомъ, какъ бархатка.

Мнѣ кажется, я, озираясь, тихонько подкрался къ столу и потушилъ лам-

КЪ ПЕРЕЛЕТУ ПЕТЕРБУРГЪ-МОСКВА.

Организаторы перелета: 1) Баронъ Каульбарсъ. 2) Г. Неклюдовъ. 3) Г. Теръ-Астафатуровъ. 4) Полк. Стемпковскій. 15) Г. Лебедевъ. Участники перелета: 5) А. А. Васильевъ. 6) Г. Слюсаренко. 7) Г. Срединскій. 8) Гр. Кампо-Сципіо. 9) Г. Агафоновъ. 10) Кн. Эристовъ. 11) С. И. Уточкинъ. 12) Г. Янковскій. 13) Г. Лерке. 14) Г-жа Звѣрева.

Фасадъ зданія Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго въ Москвѣ.

(Къ закладкѣ его, состоявшейся 24 іюля).

пу. Затѣмъ снялъ ботинки, осторожно пробрался къ двери черного хода моей квартиры, сбросилъ съ нея крючки, открылъ дверь и вытащилъ трупъ Марка на лѣстницу.

Онъ былъ еще теплый...

Сейчасъ около 4-хъ часовъ утра. За окнами свѣтаетъ. Съ момента выстрѣла прошло около пяти часовъ. Выстрѣль былъ—это я помню отлично, кромѣ того, одинъ патронъ въ револьверѣ разстрѣлянъ.

Но въ кого я стрѣлялъ? Былъ ли Маркъ въ комнатѣ?

Дальше.

Я безъ ботинокъ, но въ кабинѣтѣ нѣтъ нигдѣ слѣдовъ крови. Стоить бутылка и одинъ стаканъ съ недопитымъ виномъ.

А дверь? Закрыта или нѣтъ?

— Не помню. Сейчасъ посмотрю.

Я одѣваюсь, зажигаю свѣчу и медленно иду на черный ходъ. Чѣмъ ближе къ нему, я замедляю шаги...

Я еле двигаюсь. Что, если?

Я опускаю голову, я не могу прямо посмотреть на дверь. Я чувствую, что не увижу крючковъ, если посмотрю прямо!

Я у порога... Я вижу стоптанній порогъ. Грязный половикъ, старый линолеумъ. Я вижу низъ оббитой kleenкой и войлокомъ двери. Стоитъ мнѣ только поднять голову, и я буду знать: былъ ли у меня Маркъ?

Мнѣ страшно, мнѣ больно, и въ то же время я испытываю какое-то особенное наслажденіе,

наслажденіе боли, наслажденіе страданія. Ужасно тяжело и невыносимо пріятно...

Я рѣшаюсь. Я сейчасъ посмотрю на дверь. Сейчасъ...

Еще одну минуту... Одну секунду...

Я поднимаю голову...

— Крючки сняты!..

Тамъ или нѣтъ?

Я падаю у порога. Нѣтъ силъ. Я не могу, не могу...

[Вл. Аренскій.]

С М Ь С Ъ.

Англійскіе развѣдчики.

Нѣтъ ничего удивительного въ томъ, что Англія, классическая страна всѣхъ разновидностей спорта, за сравнительно короткій промежутокъ времени дала такой поразительный расцвѣтъ идеи дѣтскаго развѣдочнаго дѣла. Англія насчитываетъ безъ малаго шестьсотъ тысячъ молодыхъ развѣдчиковъ. Вотъ интересная подробность, лучше всего говорящая о милой простотѣ и задушевности отношеній, установившихся между дѣтворою и ея руководителями. Мастистый генераль Баденъ Поузель, первый кликнувшій въ Англіи громкій кличъ къ физическому возрожденію молодежи, получилъ отъ дѣтей шутливую кличку „полотенца“ (непереводимая игра словъ: bathing towel—купальное полотенце).

Сейчасъ въ этомъ маленькомъ мѣрѣ водворилась тревога лихорадоч-

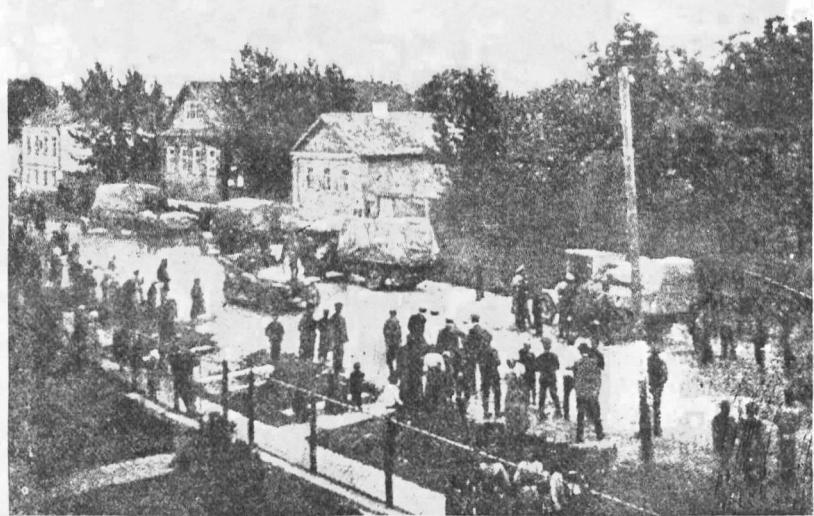
Трагически погибшая известная французская артистка Ж. Лантельмъ.

о томъ, что тысячи дѣтей, которая вскорѣ вступятъ въ пору мужества, готовятся стать истинной спорой родины. По мѣрѣ ознакомленія съ вашей удивительной организацией, я все болѣе укрѣпляюсь въ мысли того огромнаго счастья, какое она даетъ вашимъ матерямъ и отцамъ, не жалѣющимъ никакихъ трудовъ для наилучшаго вашего воспитанія. Организація развѣдчиковъ вытравляетъ изъ васъ вредные классовые предразсудки и пріучаетъ къ дружескому товариществу. Когда же пройдетъ для васъ пора отрочесства, и вы вступите въ действительную жизнь, вы будете часто обращаться съ благодарной памятью къ этой организаціи, выковавшей изъ васъ стойкихъ гражданъ своей родины. Мне хочется сказать вамъ мою задушевную мысль, которую прошу твердо запомнить. Кто разъ сталъ развѣдчикомъ, останется имъ до конца жизни. (Once a Scout—al-

кончить свою рѣчь, и изъ грудей молодыхъ развѣдчиковъ понеслись громовымъ раскатомъ старыя слова англійской патріотической пѣсни.

Оригинальное вѣнчаніе.

Въ одной изъ секантскихъ церквей въ Англіи происходило недавно оригинальное вѣнчаніе супфражистки.

Стоянка автомобилей-грузовиковъ въ г. Валдаѣ во время недавняго пробѣга.

— Это кретинъ, г. депутатъ... Вы знаете, что такое "кретинъ".
— Ахъ, Боже мой, у насъ въ думѣ ихъ цѣлая коллекція.

ныхъ приготовленій къ достойному выступленію въ коронаціонные дни. Подъ палящимъ уже по лѣтнему весеннемъ солнцемъ, среди чистаго дыханія родныхъ полей и лѣсовъ, мальчики обучаются военному строю и ружейнымъ приемамъ. На дняхъ въ Лейчестерѣ въ присутствіи лорда Китченера состоялись маневры маленькихъ солдатъ.

Подъ бравурные звуки военного марша мальчики молодцоватымъ шагомъ прошли передъ вождемъ англійской арміи и въ глубокомъ молчаніи, стараясь не проронить ни одного слова, высушали его рѣчъ.

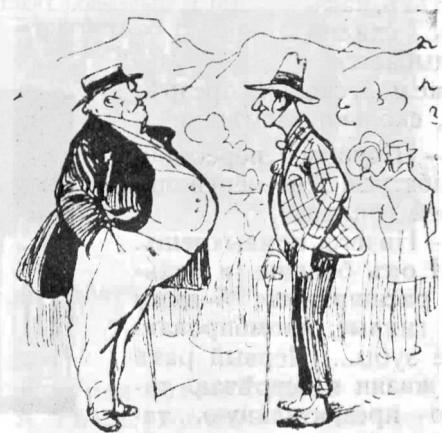
— Мальчики! — сказалъ лордъ Китченеръ. — Какъ я, такъ и всѣ присутствующіе здѣсь взрослые господа безконечно счастливы отъ одной мысли

— Мне мѣшаетъ вѣзѣть мое модное платье.
— Съ этими проклятыми модами женщины теперь могутъ подниматься только на подъемныхъ машинахъ.

ways a Scout). Это—не простое дѣтское развлеченіе, которое должно кончиться вмѣстѣ съ золотой сказкой дѣтства. Продолжайте это дѣло до послѣдняго вздоха и никогда не забывайте славныхъ знаменъ своей юности. Дасть Богъ, вскорѣ васъ будетъ круглый миллионъ, и тогда родина успокоится въ глубокомъ сознаніи своей силы, нерушимой на вѣчныя времена».

Не успѣлъ вождь англійской арміи

— Я плачу за душъ только политиникъ.
— За что же съ меня берутъ рубль?
— Вы толще. Въ васъ больше мяса, а теперь цѣна на говядину вздорожала.

Небольшая церковь была переполнена подругами невѣсты, супфражистками, явившимися на церемонію со своимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ.

Интересно отмѣтить, что вмѣсто объявленія традиціоннаго главенства мужа и подчиненности жены священникомъ было заявлено, что вѣнчавшіеся вступали въ бракъ на правахъ равенства, какъ товарищи и взаимные помощники во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

